

Обычай против Традиции¹

Мы уже неоднократно разоблачали странное и ставшее почти привычным для современных людей смешение традиции и обычая: действительно, наши современники охотно называют «традицией» различного рода вещи, которые в реальности являются лишь простыми обычаями, нередко совершенно незначительными и порой придуманными совсем недавно: кто угодно может учредить какой-нибудь профанический праздник, и этого вполне достаточно, чтобы спустя несколько лет его начали называть «традиционным». Это языковое злоупотребление, очевидно, является следствием невежества современных людей по отношению ко всему, чем является традиция в подлинном смысле этого слова; однако, здесь можно усмотреть и проявление того духа «подделки», на которой мы уже неоднократно указывали ранее: когда традиция исчезает ее, сознательно или бессознательно, пытаются подменить чем-то пародийным дабы, образно говоря, хотя бы внешне заполнить ту пустоту, которая образовалась на ее месте; причем недостаточно просто сказать, что обычай отличается от традиции, так как истина заключается в том, что он является её прямой противоположностью и тем или иным образом способствует смешению и служит опорой для антитрадиционного духа.

Прежде всего, необходимо четко понять следующее: все относящееся к традиционному порядку по сути требует наличия «сверхчеловеческого» элемента; обычай же, напротив, является чем-то сугубо человеческим, как вследствие вырождения, так и по самому своему происхождению. Действительно, эти два случая следует различать: в первом речь идет о тех вещах, которые некогда могли обладать глубоким смыслом и иногда даже носить подлинно ритуальный характер, но полностью утратили их вследствие потери внутренней связи с традиционным целым, превратившись в «мертвую букву» и «суеверие» в этимологическом смысле этого слова; никто более не способен понять их смысла, и, кроме того, они легко поддаются искажению и смешению с чуждыми элементами, рожденными индивидуальной или коллективной фантазией. Как правило, это случается с теми обычаями, корни которых не поддаются точному определению; самое меньшее, можно сказать, что этот случай является свидетельством утраты традиционного духа и поэтому выглядит куда более серьезным как симптом, чем с точки зрения тех последствий, к которым приводит подобная ситуация. Однако здесь кроется не меньшая двойная опасность (однако эти последствия также небезобидны): с одной стороны, люди тем самым начинают совершать ритуальные действия в силу простой привычки, то есть чисто машинально, без достойных оснований и куда более неприятным результатом является то, что эта «пассивная» позиция предрасполагает их к принятию всякого рода «внушений» без сопротивления; с другой стороны, враги традиции, приравнивая ее к этим машинальным действиям, торопятся обернуть ситуацию к своей выгоде, превращая традицию в нечто смехотворное, так что эта путаница, которая для некоторых не всегда произвольна, используется как препятствие для всякой возможности восстановления традиционного духа.

Во втором случае мы можем говорить непосредственно о «подделке»: речь идет здесь об обычаях, которые, несмотря ни на что, по прежнему являются остатками того, что некогда имело традиционный характер, и поэтому не создают впечатления чего-то достаточно профанического; таким образом на конечной стадии их стремятся насколько это возможно подменить другими, уже чисто вымышленными обычаями, и это

¹ Взято с <http://www.nationalism.org/vvv/guenon-initiation.htm>.

происходит тем легче, если люди уже привыкли совершать бессмысленные действия; здесь и вторгается только что упомянутое нами «суеверие». Когда народ перестает исполнять традиционные обряды, еще остается возможность, что он почувствует, что ему не хватает чего-то и испытает необходимость в возвращении к ним; чтобы воспрепятствовать этому их подменяют «псевдообрядами», навязывая их по любому удобному поводу; эта симуляция обрядов иной раз заходит так далеко, что в них несложно распознать формальное и плохо скрытое намерение установить своего рода «контртрадицию». На том же уровне находятся и другие вещи, которые, несмотря на свой якобы безобидный характер, в действительности далеко не являются таковыми: мы имеем в виду обычаи, которые затрагивают скорее жизнь каждого отдельного индивида, нежели всего общества; они также предназначены для подавления всякой обрядовой или традиционной деятельности, подменяя ее переходящей в самую настоящую одержимость заботой о множестве совершенно незначительных, если не полностью нелепых вещей, сама «мелочность» которых становится богатым вкладом в уничтожение всякой интеллектуальности.

Этот разлагающий характер обычая сегодня можно непосредственно наблюдать в восточных странах, поскольку на Западе уже давно была пройдена та стадия, на которой хотя бы допускалась мысль о том, что любая человеческая деятельность может иметь традиционный характер; но там, где понятие «обыденной жизни», понимаемое в указанном нами в другом месте профаническом смысле, еще не обрело всеобщего характера, можно образно говоря «засечь» то как обретает форму это понятие и ту роль, которую в этом сыграла подмена традиции обычаем. Самом собой речь идет здесь о ментальности, которая по крайней мере на данный момент присуща еще не большинству восточных людей, но тем, кого равным образом можно назвать «осовремененными» или «озападнившимися», так как оба эти слова по сути означают одно и то же: если некто в своих действиях руководствуется тем, что «таков обычай», можно с уверенностью сказать, что мы имеем дело с индивидом, оторванным от своей традиции и утратившим способность к ее пониманию; он не только перестает исполнять основные обряды, но даже если и продолжает соблюдать некоторые второстепенные «правила» то делает это исключительно «по обычаю» и по чисто человеческим причинам, среди которых забота о «мнении» как правило занимает главенствующее место; и, в первую очередь, такой человек никогда не пренебрегает тщательным соблюдением множества тех надуманных обычаев, о которых мы говорили в последнем случае, то есть обычаев, которые ничем не отличаются от тех мелочей, из которых складывается обывательское «знание светских манер» современных западных людей и каковые нередко являются ничем иным, как обыкновенным подражанием.

Самым поразительным в этих чисто профанических обычаях как на Востоке, так и на Западе является их невероятная «мелочность», упомянутая нами ранее: создается впечатление, что единственной их целью является привлечь внимание уже не только к полностью внешним и лишенным всякого значения вещам, но скорее даже к деталям этих вещей, к наиболее обыденному и ограниченному в них, что, по всей видимости, является лучшим из возможных средств для того, чтобы вызвать у тех, кто им подчиняется, настоящую интеллектуальную атрофию, наиболее законченным примером которой на Западе является так называемая «светская» ментальность. Те для кого заботы подобного рода становятся господствующими, даже не достигая этой крайней степени, слишком явно не способны помыслить какую-либо реальность более глубокого порядка; здесь имеется столь очевидная несовместимость, что настаивать на этом далее не имеет смысла; столь же ясно, что подобного рода люди оказываются отныне запертыми в круге

«обычной жизни», которая соткана из плотной ткани внешних видимостей, на исключительное сохранение которых «натаскана» вся их умственная деятельность. Можно сказать, что для них мир утратил всю свою «прозрачность», поскольку они не способны более разглядеть знак или выражение высших истин, и даже, если завести с ними речь о внутреннем смысле вещей, они не только не поймут, но тотчас начнут спрашивать себя, что могут подумать или сказать о них им подобные если каким-то невероятным образом они дойдут до принятия подобной точки зрения и тем более, станут сообразовывать с этим свою жизнь!

Именно этот страх перед «мнением», более чем что-либо другое позволяет обычаю обрести такую силу и характер настоящей одержимости; человек в принципе не способен действовать без мотива, законного или незаконного, и когда, как в данном случае никакого действительно ценного мотива быть просто не может, поскольку речь идет о действиях, поистине не имеющих никакого значения, то он по необходимости скатывается на столь же случайный и лишенный всякого действительного значения уровень, как и тот к которому принадлежат сами эти действия. Возможно попытаются возразить, что для того, чтобы это стало возможным, необходимо, чтобы мнение относительно рассматриваемых обычаев уже сложилось; но, на самом деле, для того, чтобы этот фактор мог войти в игру достаточно, чтобы они воцарились среди очень узкого круга и поначалу исключительно в виде простой «моды»; отсюда обычаи, укоренившись просто потому, что больше не осмеливаются уклоняться от их соблюдения, могут в дальнейшем постепенно распространяться и, соответственно, то, что было мнением лишь немногих в конечном счете становится так называемым «общественным мнением». Можно сказать, что уважение к обычаю как таковому по сути своей является ничем иным как уважение к человеческой глупости, так как именно она в подобном случае естественно выражается в мнении; кроме того «вести себя как все» (еще одно выражение обычно используемое по этому поводу и для многих похоже ставшее достаточным основанием для всех их действий) значит неизбежно уподобиться обывателю и стараться ничем от него не отличаться; конечно сложно вообразить нечто более низкое и столь же противоречащее традиционной позиции, следуя которой каждый должен постоянно стремиться подняться выше в соответствие со своими возможностями, вместо того, чтобы опускаться до подобного рода интеллектуального небытия, которое отражает жизнь, целиком поглощенную соблюдением самых нелепых обычаев в детском страхе получить неблагоприятную оценку от первых встречных, то есть говоря конкретно от дураков и невежд.

В странах арабской традиции говорят, что в самые древние времена люди различались между собой знанием; затем стали учитывать происхождение и родовитость; еще позднее признаком превосходства стали считать богатство; наконец, в последние времена людей судят исключительно по их внешней видимости. Легко понять, что это точное описание последовательного преобладания, в нисходящем порядке, различных точек зрения, которые выражают четыре касты, или, если угодно, соответствующие им естественные деления. Итак, обычай неоспоримо принадлежит к области чисто внешних видимостей, за которыми ничего нет; только шудра соблюдает обычай из боязни мнения, которое ценит лишь эти видимости.

Рене ГЕНОН

Перевод с французского В. Ванюшкиной